

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

Московский государственный лингвистический университет,
119034 Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38
Заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук,
Доктор философских наук, профессор
ORCID: 0000-0002-2145-7953
E-mail: irinamalygina@yandex.ru

СТРАТЕГИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу идентификационных стратегий субъекта современной культуры, сформировавшихся под влиянием процессов информатизации и развития интернета, вытеснившего наиболее важные сферы человеческой деятельности в цифровую среду. Предоставив неограниченные возможности для самореализации и самопрезентации человека, цифровая реальность стимулирует развитие новых форм социальной консолидации, часто описываемых современными исследователями в терминах «цифровой» или «сетевой идентичности».

В этой связи автором проблематизируется тема идентичности, обосновывается необходимость интерпретации данного концепта во всей сложности его внутренней структуры, объединяющей рефлексивные, аффективные и поведенческие интенции в процессе самоопределения личности и его отождествления с социальными и культурными общностями.

Вместе с тем, в цифровом пространстве современной культуры полноценный процесс идентификации зачастую редуцируется до многочисленных репрезентаций, подменяется имитациями и симуляциями, не способными удовлетворить неотчуждаемую психологическую потребность человека в укорененности и принадлежности. С опорой на концепцию А.А. Пелипенко анализируется роль интернета в формировании «неосинкретизиса» – восстановления утраченного единства и эмпатической связи человека с окружающим миром посредством

цифровых технологий, в появлении нового антропологического типа, которым характеризуется субъект цифровой культуры, тяготеющий к архаизации сознания, мифологизации и мистификации реальности, к постоянному дрейфу по поверхности дискретных миров, продуцируемых цифровой реальностью. Отмечается, что при максимальном расширении свободы участия субъекта цифровой культуры в многообразных сетевых сообществах, оно жестко контролируется системой предписаний и запретов, конвенциональных для того или иного комьюнити; требованиями, предъявляемыми к символическому капиталу личности. Санкции в виде кибербуллинга, хейтинга и «культуры отмены» побуждают человека конспирировать свою аутентичность и субъектность посредством различных имитативных и симулятивных практик. На основе наблюдений за разными форматами стратегий самоопределения индивида в цифровой среде автор приходит к выводу, с одной стороны, о формировании запроса на объединительную идею и устойчивые основания идентичности, а с другой, о необходимости уточнения современного методологического и понятийного аппарата, необходимого для корректного описания актуальных практик самопрезентации индивида, необходимых и неизбежных, но не обладающих функциями и онтологией идентичности.

Ключевые слова: культура, цифровая среда, неосинкретизис, неархаик, стратегии самоопределения, репрезентации, цифровая идентичность, сетевая идентичность, символический капитал, имитация, симулякр, симуляция, маска, мистификация.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

Сложные трансформации современной культуры проявляются не только в изменении ее онтологических контуров, сетевом расплывании структуры и переформатировании ценностно-смыслового ландшафта. Не менее важными представляются изменения способов самоопределения и самопрезентации человека в актуальной культурной ситуации.

Вытеснение подавляющего большинства сфер социальной активности человека в виртуальную, цифровую среду, делает ее важным объектом наблюдения за переформатированием стратегий и практик самоидентификации, конструирования цифровой проекции человека и коллективных идентичностей и одновременно актуализирует проблему выработки методологического и понятийного инструментария для формирования актуального дискурса идентичности, адекватного наблюдаемым изменениям.

Сложившаяся в пространстве междисциплинарных исследований и укоренившаяся в современном социально-гуманитарном знании концепция культурной идентичности позволяет интерпретировать сущность этого сложного социально-психологического феномена через *онтологическое единство и принципиальную нерасчлененность* рефлексивных, аффективных и поведенческих составляющих: *осознанного отождествления* индивида с той или иной общностью на основании конвенциональной системы культурных ценностей, смыслов и кодов; *глубинного эмоционального, почти сакрального* переживания этого единства и *культурных практик* его манифестации.

В современной культурологии сложилась точка зрения, согласно которой исходный момент идентификационных процессов совпадает с началом культурогенеза, а функциональ-

ная специфика идентичности обусловлена психологической потребностью человека, вышедшего из докультурного состояния, в восстановлении разрыва утраченного первоначального синкретиза и поиском новых способов достижения утраченного единства с окружающим миром¹. Реализация этой неотчуждаемой, базовой потребности, на которую не раз указывали и психологи², на протяжении всего исторического существования человечества достигалась в замещенных, искусственных формах путем интеграции в культурное пространство социальной общности (рода, этноса, нации и др.) и отождествления с ее членами.

При этом в процессе культурной динамики, при всей ее нелинейности и бифуркационных расслоениях, можно заметить некоторые закономерности, связанные с доминированием в идентификационных стратегиях на разных этапах человеческой истории либо чувственно-эмоционального, либо рационального, либо репрезентативного начал. Так, важнейшим феноменом архаической культуры со свойственными ей синкретичностью, тотальной эмпатической связью первобытного человека с природным и социальным миром и дологическим, мифологическим мышлением «дикаря»³, следует считать аффективный по своей природе механизм партиципации, нерелексируемого «природнения», переживания причастности и неотделимости от

¹ Пелипенко, А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Том XVIII. – Вып. 3-4 (№№ 91-92). – С. 40–49.

² Маслоу, А. Теория человеческой мотивации // Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. С. 77–105; Фромм, Э. Пути из большого общества // Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988. – С. 443–482.

³ Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

группы и рода, полное отождествление с родовым тотемом. Репрезентации группового (племенного, родового) единства осуществлялись в культурных формах мифа и ритуала. Партиципация к социальной группе, достижение укорененности и принадлежности становится отныне универсальным механизмом и неотчуждаемой функцией идентификационных процессов.

Сакрализация и эмоциональное переживание единства, обусловленное партиципацией к трансцендентальному, позднее определяли характер идентификационных процессов и в языческих культурах, и, конечно, в традиционной культуре средневекового общества. А уже в обществе модерна с его рационалистическими установками и проектом просвещения в идентификационных процессах возобладало стремление к осознанному восприятию и рациональному объяснению человеком как его индивидуального «я», так и причин, побуждающих к социальной интеграции и обеспечивающих партиципационные переживания (в новом их качестве) в отношении социальной общности.

Процесс историко-культурной динамики сопровождался постоянно нарастающей индивидуализацией субъекта культуры, его последовательной эмансипацией от традиционных, исторически устойчивых и в недавнем прошлом безальтернативных культурных систем. К началу XXI века на фоне распространения массовой культуры, глобализации и информатизации эта тенденция ознаменовалась вытеснением базовых идентичностей (этнических, национальных, конфессиональных) на периферию индивидуального и общественного сознания, постепенной сублимацией идентификационных стратегий индивида в пространство цифровой реальности с ее множественными, пересекающимися смысловыми потоками и дискурсивными полями.

Интернет как «фактор эволюции»

Данный процесс не прошел незамеченным для зарубежных и отечественных исследователей, осмысливающих и артикулирующих новый опыт самоопределения индивида и практики социальной консолидации в терминах *цифровой или сетевой идентичности*.

К сегодняшнему дню накопилось значительное количество публикаций, посвященных данному феномену. Одна из наиболее системных и продуктивных предложена А.А. Пелипенко, автором смыслогенетической теории культуры. Обосновывая феномен интернета как системный феномен, российский философ культуры позиционирует интернет как важнейший *фактор эволюции* на современном этапе историко-культурной динамики, стимулирующий формирование *нового ментального типа человека*. С точки зрения А.А. Пелипенко интернет – современное, соответствующее актуальному этапу культурного и технологического развития человечества средство достижения нового, еще более искусственного, чем на предыдущих исторических этапах, синкрезиса (в лексике автора концепции – неосинкрезиса)⁴. Новый антропологический тип – субъект цифровой культуры, пришедший на смену рационалистичному «логоцентрику», тяготеет, по мнению А.А. Пелипенко, к архаизации сознания, мифологизации и мистификации реальности: «странничка в Сети есть не что иное, как своеобразный магический двойник (душа, *alter ego*) современного стихийного неоархаика в запредельном/виртуальном мире, границы которого столь же проницаемы, сколь проницаемы для архаика границы, отделяющие его от мира ду-

60

⁴ Пелипенко, А.А. Интернет как феномен эволюции культуры. От логоцентризма – к неосинкретизму // Библиотечное дело. – № 10 (292). – 2017. – С.15.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

хов»⁵. «Цифровое поколение» тяготеет к правополушарному мышлению, древнему по своей природе, с его синкретическим, ризоматическим, образным, эмоциональным переживанием единичного, конкретного, дискретного опыта/события. Только в отличие от архаика, объектом переживания «неоархаика» становится не реальность и ее объекты, а их виртуальные образы и искусственные суррогаты; если для архаика понимание мира как целого еще не доступно, то для субъекта цифровой реальности с ментальным типом неоархаика мир уже лишен своей целостности и раздроблен на множество дискретных «миров», слабо связанных друг с другом и не способных обеспечить «компьютерному человеку» партисипационного переживания и природнения ни к одному из них. В итоге субъект цифровой культуры в поисках вождельного единства с миром находится в постоянном скольжении по поверхностям различных, продуцируемых цифровой реальностью «миров» и ему остается лишь одна возможность достичь этого единства – партисипируя не к самим этим «мирам» а к скольжению, дрейфу между ними: «...если убежать из культуры нельзя, то остается сосредоточиться на самом процессе бега, идеальным воплощением которого является дрейф в пространстве сети. Бег по сетевым горизонталям интереснее, ибо он, в отличие от цепочек вертикального восхождения к высшим сущностям, бесконечен»⁶.

Тенденция к архаизации сознания субъекта современной культуры и движение к созданию неосинкретизиса, подробно описанная А.А. Пелипенко, в определенном смысле поддерживается и подтверждается широким распространением в научном и публицистическом дискурсе описания современных «партисипа-

ционных» практик как элемента новой формы социальной консолидации посредством «культуры соучастия». Не обращаясь к анализу этого феномена, требующего отдельного внимания, в связи с задачами данной статьи отметим лишь, что о культуре соучастия и партисипационных практиках речь сегодня идет в ситуациях, требующих мобилизации людей и создания комьюнити с целью реализации того или иного проекта, ограниченного во времени, а потому и сами эти практики также носят временный, непродолжительный характер и не способны предложить «дрейфующему сознанию» сколько-нибудь продолжительной передышки.

Согласимся с А.А. Пелипенко в том, что ситуативно возникающие в интернет-пространстве и еще более стремительно распадающиеся сообщества не способны вызывать ни сколько-нибудь глубокую рефлексию индивида по поводу оснований этих спонтанных объединений, ни глубокого эмпатического (тем более сакрального) переживания их значимости.

Более того, при внешней иллюзии свободы конституирование представлений личности о себе происходит в контексте дискурса «власти»⁷, диктующего индивиду границы одобряемого и санкционируемого поведения в каждом из описанных выше «миров». Нарушение этих границ (реальное или мнимое) способно вызвать жесткую реакцию в формах хейтинга, кибербуллинга и «культуры отмены». Страх перед этой угрозой для субъекта цифровой культуры – «неоархаика», – столь же тотален и безысходен, как угроза быть изгнанным своей группой для человека архаического.

⁵ Там же. С.16.

⁶ Там же. С.18.

⁷ Фуко, М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь, 1996. – С. 47–96.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

Эти риски побуждают конспирировать свою подлинную субъектность и идентичность посредством определенных культурных практик. Постоянно дрейфующий по поверхности множества смысловых потоков, субъект современной культуры подменяет идентичность (в ее онтологической определенности и структурной неделимости, на которую мы указали в начале статьи), прецедентными самопрезентациями и имитативными практиками которые следует описывать, скорее, в терминах симуляции и мистификации.

Идентификация vs симуляция

Ж. Бодрийяр предварил текст своей книги «Симулякры и симуляции» эпиграфом, отсылающим к Экклезиасту: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина»⁸. При всей парадоксальности высказывания, его смысл становится очевидным при проецировании на некоторые практики самоопределения, реализуемые современным человеком в цифровой среде.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют две актуальные и принципиально отличные стратегии: первую мы условно назвали стратегией «маски», а вторая артикулируется в медиaprостранстве как «новая искренность».

Маска в данном случае – «зонтичное», условное и компромиссное понятие, которое применимо при описании природы и функций широкого спектра феноменов цифровой реальности. Стратегия «маски» предполагает имитативные, симулятивные, в том числе ироничные практики, посредством которых субъект культуры «являет» себя миру. Маска и ее эквиваленты получили широкое распространение в

цифровом пространстве в силу своей двойственной природы, символизм которой, связанный, в частности, с наличием лицевой (репрезентативной) и изнаночной (скрытой, анонимной) сторон подробно описан в художественных текстах, антропологических и этнографических исследованиях и в должной мере осмыслен в рамках социально-гуманитарного знания.

Маска в цифровой среде функционирует в разных форматах. Прежде всего это аватарка – исходный и неотъемлемый компонент цифровой проекции человека в интернет-пространстве, который субъект сетевой коммуникации использует с целью конструирования «изображения образа себя», почти всегда предполагающий разрыв, зазор, дистанцию между публичной представленностью индивида в соответствии с социальными ожиданиями, контролем и санкциями, с одной стороны, и скрытой аутентичностью и подлинностью, – с другой.

Коммуникативные технологии современного информационного общества характеризуются включением в медиареальность новых дискурсивных практик, в том числе, апеллирующих к феномену «identity capital», который может быть определен как символический капитал индивида, влияющий на параметры самоопределения и самопрезентации человека в современной культуре.

Феномен «символического капитала» получил осмысление и обоснование в социологическом научном дискурсе и прежде всего ассоциируется с именем П. Бурдьё, выделившего некоторую совокупность качеств личности и ее ресурсов, которые «обычно называют престижем, репутацией, именем и тому подобное»⁹ как отдельную форму капитала. Важнейшая

⁸ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – С. 5.

⁹ Бурдьё, П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. – С. 56.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

функция символического капитала – социальная дифференциация и стратификация, основанные на различиях в стилях жизни и практиках потребления субъектов культуры; их субординация, обусловленная ценностно-смысловыми иерархиями, легитимированными в определенных социальных «полях». «Символический капитал – другое имя различения»¹⁰, «символические трансфигурации фактических различий»¹¹, основание символических иерархий, власти, статусов и рангов, закрепленных посредством «социальной перцепции», а потому воспринимаемых участниками социальной коммуникации как нечто объективное и само собой разумеющееся¹². В конечном итоге символический капитал это, с одной стороны, допуск к участию в конкуренции за место в той или иной символической иерархии и, одновременно, маркер позиции, которую он гарантирует своему обладателю.

Иными словами речь идет о стратегии самоопределения и самопрезентации человека, в основе которой лежат унаследованные им или приобретенные самостоятельно достижения, причем не только подлинные: качественное образование, культурные компетенции, экспертная состоятельность, высокий статус в профессии, участие в благотворительности или социально-значимых проектах, но и альтернативные псевдодостижения: внешность, популярность, престижность учебного заведения, увлечений и потребляемых брендов и т.д. В этой связи особый смысл приобретают такая функция символического капитала как «способность человека к производству мнений»¹³.

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология: электронный журнал. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 20–32.

Идеальная форма репрезентации «identity capital» в сети – технология «селфи», несводимая исключительно к фотоизображениям себя, но понимаемая расширительно, как целенаправленное формирование и структурирование контента, сознательное управление им. Это еще один формат маски, предоставляющий субъекту возможность конструировать и корректировать «образ себя», имитировать и симулировать стиль жизни через взгляд воображаемого «значимого другого». Поэтому селфи – не столько репрезентация личных предпочтений или реальных достижений, сколько «маска», симулирующая одобряемые в том или ином дискурсивном поле или символической иерархии элементы «identity capital».

Наконец, еще один формат конструирования и репрезентации идентичности – маски Instagram (запрещенная в РФ организация), позволяющие путем имитации различных техник экспериментирования с телесностью конструировать новый образ человека, добываясь самых противоположных эффектов – от «улучшения» внешности, ее коррекции в соответствии со стандартами «индустрии красоты» до создания ироничных, безобразных и отвратительных образов.

Обосновывая базовые положения своей концепции симулякра и симуляции, Ж. Бодрийяр акцентирует крайне сложные отношения симуляции с реальностью: «...симулировать – не значит просто притворяться» симуляция упраздняет различие между «истинным» и «ложным», «реальным» и «воображаемым»¹⁴. Более того, французский философ отказывает симуляциям даже в свойствах репрезентации. В отличие от репрезентации, в основе которой лежит принцип «эквивалентности реального и

¹⁴ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – С. 8.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

некоего «представляющего» это реальное знака»¹⁵, симуляция предполагает неизбежность «умерщвления» всякой референтности. Это не просто ложное, «поврежденное» представление, это симулякр самого представления¹⁶.

Стратегия маски, представленная в сети разными технологиями и форматами, представляет собой очевидные симуляции идентичности и фиксирует важное свойство сетевых идентификационных процессов: в них отсутствует очевидный референт, тот самый «значимый другой», без которого никогда прежде акт самоидентификации не был возможен, теперь «умерщвлен». Маска транслирует образ, адресованный, с одной стороны, некоему трансцендентальному «другому», недоступному эмпирическому опыту; сетевому источнику «власти», нормирующей и санкционирующей инстанции, а, с другой стороны, – никому конкретно. Вместе с тем, маска воспроизводит эффект «зеркала» и возвращает индивида к самому себе, провоцируя у него переживание не единства, но одиночества.

Что касается «новой искренности», то данная стратегия, перенесенная в медиaproстранство из сферы искусства и артикулируемая уже в рамках теории метамодерна, напротив, по своему первоначальному замыслу ориентирована на преодоление тотальной постмодернистской иронии, предельную открытость и демонстративную манифестацию субъектной подлинности; реабилитацию традиционных ценностей понимания, сострадания и любви. И пространство сети с ее цифровыми технологиями предоставит для этого неограниченные возможности.

Как утверждал М. Кастельс: «интернет сводит людей на публичной агоре, чтобы они

делились своими заботами и надеждами»¹⁷. И это та самая причина, по которой народ должен взять интернет под свой контроль и управление.

Демонстративная манифестация индивидом его подлинности, искренности, уязвимости, «исповедальный характер дискурса», зачастую не совпадающего с социальными ожиданиями, побуждает человека публично отвечать на вопрос «кто я такой?», поскольку ««новая искренность» строится на рефлексии по поводу собственной идентичности»¹⁸, предполагает готовность доверять глубоко личные переживания бесчисленной анонимной аудитории, по-прежнему лишенной сколько-нибудь очевидного референта, и, что не менее важно – умение защищаться от нее, в частности, с помощью образа жертвы.

Вместе с тем, массовые акции, разворачивающиеся в интернет-пространстве, в числе которых – известные флешмобы под хештегами #MeToo, #янебоюсьсказать и другие, ставшие предельным выражением «новой искренности», могут служить дополнительным свидетельством того, что новые формы социальности, спонтанно возникающие и столь же быстро распадающиеся, не обеспечивают индивиду устойчивого чувства защищенности, причастности и единства.

Более того, многие события в рамках этих флешмобов, претендующие на широкую обратную связь, оказались мистификациями, не имеющими отношения к реальным событиям, та самая «истина, скрывающая, что ее нет». Такие акции отнюдь не способствуют социальной консолидации, но, напротив, стимулируют се-

¹⁷ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – С. 194.

¹⁸ Иссерс, О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 6: Журналистика. – С. 218.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

резные социальные разногласия и деформации коллективных идентичностей.

Заключение

Современная культура продуцирует процессы, не укладывающиеся в рамки единой объяснительной парадигмы и описываемые одновременно в терминах постмодерна и метамодерна, постглобальной реальности и цифровой революции. С одной стороны, при всей «усталости» постмодерна, современная культура продолжает воспроизводить принципы ризомности, деконструкции и игры, с одной стороны, умножая и усложняя практики самоопределения субъекта современной культуры, а с другой, – низводя, редуцируя их до репрезентаций, симуляций и мистификаций в цифровой среде.

Добившись максимальной свободы от социальных и мировоззренческих систем, человек вместе с тем ограничил свои возможности доступа к «символической вселенной» собственного народа, утратил сколько-нибудь устойчивую и продолжительную культурную и историческую память, удерживающую и транслирующую конвенциональные образы идентичности, способные вызвать сакральные переживания исторических триумфов и культурных травм и важное для идентичности личности эмоциональное переживание «и я этой силы частица».

Констатация данной ситуации приводит исследователя к необходимости осмысления двух взаимосвязанных проблем.

Прежде всего, важно понять, насколько возможен реверсивный процесс, который вернет человека в пространство своей культуры с ее реальными ценностями, святыми и героями? А главное – не атрофирована ли эта базовая антропологическая потребность у поколения цифровых аборигенов?

Если отнестись внимательно к некоторым явлениям, получившим достаточно широкое распространение в интернете, можно заметить нарастающий запрос на объединительную идею, который угадывается, например, в активном распространении этнонациональных сюжетов в киберспорте и игровой индустрии. А еще – в феномене «виртуальных государств», предлагающих индивидам альтернативные основания и образы идентичности на фоне утраты некоторыми современными национальными государствами важнейшего статуса «единицы выживания». Совершенно очевидно, что и виртуальные государства, – не имеющие собственной территории непризнанные сообщества, – еще один образец постмодернистской шутки, иронии и игры. Однако они наделяются своими «гражданами» и «правителями» всеми атрибутами государства с той или иной формой правления: Княжество Силенд, Республика Nova Roma, космическое государство Асгардия, Республика Молоссия, Обсидия, «вся территория которой умещается на бульжнике средних размеров, который императрица гордо носит с собой в портфеле»¹⁹ и многие другие.

Не имеющие ни одного шанса быть признанными или хотя бы воспринятыми всерьез, виртуальные государства обладают всеми формальными атрибутами и символами государственности: конституцией, флагами, гербами, деньгами и удостоверениями личности; осуществляют «международную» деятельность, создают «потешные» армии и футбольные команды; культивируют определенные ценности, мораль и традиции, культурные отличия, а в некоторых случаях – собственный язык. Так,

¹⁹ Феткулов, Л. Сам себе император: что такое виртуальные государства и можно ли принимать их всерьез. – URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/25639-sam-sebe-imperator-cto-takoe-virtualnye-gosudarstva-i-mozhno-li-prinimat-ih-vserez/> (дата обращения: 25.05.2024).

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

граждане Nova Roma – виртуального государства, реконструирующего культуру, религию и ценности Древнего Рима в его республиканский, доимперский период, говорят на латыни²⁰.

Очевидно, что виртуальное государство – классический пример мистификации, широко распространенной в современном цифровом и медиапространстве технологии подмены реальности несуществующими фактами, обладающими признаками реальности. И это качество мистификаций позволяет вполне успешно редуцировать симулякры идентичности.

Можно допустить в связи с этим, что поиск оснований социальной консолидации, запрос на идентичность остается в числе приоритетных способов упорядочивания представлений человека о мире и его месте в этом мире. И это повод задуматься о способах возвращения человека в пространство реальной культуры.

Вторая проблема обусловлена тем, что по мере разворачивания дискурса «цифровой» или «сетевой» идентичности смысловое пространство самого концепта «идентичность» подвергается «ползучей» семантической трансформации, расширяется или редуцируется в зависимости от конкретных исследовательских интересов и задач, используется для описания разнообразных практик самопрезентации человека в современной культуре и цифровой среде, имитаций, симуляций и мистификаций. Безусловно, такие практики способны удовлетворять определенные потребности индивида, обеспечивать ситуативное преодоление отчуждения, но не гарантируют человеку той самой укорененности и принадлежности и лишь удлиняют траекторию скольжения и дрейфа, заставляют бежать дальше в поисках «утешительных

объятий» ибо, как остроумно заметил Л. Визелтир «идентичность подобна греху: как бы мы ни старались, избежать ее мы не можем»²¹.

Список литературы

Пелипенко, А.А. Манифест неомодерна // *Личность. Культура. Общество.* – Том XVIII. – Вып. 3-4 (№№ 91-92). – 2016. – С. 40–49.

Маслоу, А. Теория человеческой мотивации // *Мотивация и личность.* – СПб.: Евразия, 1999. – С. 77–105.

Фромм, Э. Пути из больного общества // *Проблема человека в западной философии: Переводы.* – М.: Прогресс, 1988. – С. 443–482.

Леви-Брюль, Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении* / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

Пелипенко, А.А. Интернет как феномен эволюции культуры. От логоцентризма – к неосинкретизму // *Библиотечное дело.* – 2017. – №10 (292). – С. 14–18.

Фуко, М. *Порядок дискурса* // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.* – М., Касталь, 1996. – С. 47–96.

Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляции.* – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

Бурдые, П. *Социология политики.* – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология: электронный журнал*, 2002. – Т. 3. № 4. – С.20 – 32.

Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография.* – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.

Иссерс, О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* – 2020. – Т. 19. – № 6: Журналистика. – С. 216–227.

²¹ Цит. по: Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 49.

²⁰ Nova Roma [Электронный ресурс]. – URL: http://www.novaroma.org/nr/Main_Page. (дата обращения: 25.05.2024).

Ирина Викторовна МАЛЫГИНА

| Стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры |

Феткулов, Л. Сам себе император: что такое виртуальные государства и можно ли принимать их всерьез. – URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/25639-sam-sebe-imperator-cto-takoe-virtualnye-gosudarstva-i-mozhno-li-prinimat-ih-vserez/> (дата обращения 25.05.2024).

Nova Roma. – URL: http://www.novaroma.org/nr/Main_Page (дата обращения: 25.05.2024). (дата обращения 25.05.2024).

Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

Irina V. MALYGINA

| Strategies of Human Self-Determination in Digital Space Contemporary Culture |

Irina V. MALYGINA

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka st., Moscow, 119034 Russian Federation
Head of the Department of World Culture of the Institute of Humanities and Applied Sciences
Doctor of Science (Philosophy), Professor
ORCID: 0000-0002-2145-7953
E-mail: irinamalygina@yandex.ru

**STRATEGIES OF HUMAN SELF-DETERMINATION
IN DIGITAL SPACE CONTEMPORARY CULTURE**

The article is devoted to the analysis of identification strategies of the subject of modern culture, formed under the influence of informatisation processes and the development of the Internet, which has displaced the most important spheres of human activity into the digital environment. Providing unlimited opportunities for human self-realisation and self-presentation, digital reality stimulates the development of new forms of social consolidation, often described by contemporary researchers in terms of "digital" or "network identity".

In this regard, the author problematises the topic of identity and substantiates the need to interpret this concept in all the complexity of its internal structure, which combines reflexive, affective and behavioural intents in the process of self-determination of an individual and his/her identification with social and cultural communities.

At the same time, in the digital space of modern culture, the full-fledged process of identification is often reduced to numerous representations, substituted by imitations and simulations that are unable to satisfy the inalienable psychological need of a person for rootedness and belonging. Based on A.A. Pelipenko's concept, we analyse the role of the Internet in the formation of "neosyncrasis" - the restoration of the lost unity and empathic connection between man and the world around him through digital technologies, in the emergence of a new anthropological type, which is characterised by the subject of digital culture, who tends to

archaize consciousness, mythologise and mystify reality, to constantly drift along the surface of discrete worlds produced by digital reality. It is noted that while the freedom of participation of the subject of digital culture in diverse network communities is maximised, it is strictly controlled by a system of prescriptions and prohibitions that are conventional for this or that community, and by the requirements imposed on the symbolic capital of the individual. Sanctions in the form of cyberbullying, hectoring and 'cancellation culture' encourage individuals to conspire their authenticity and subjectivity through various imitative and simulative practices. Based on observations of different formats of individual self-definition strategies in the digital environment, the author comes to the conclusion, on the one hand, about the formation of a demand for a unifying idea and stable bases of identity, and, on the other hand, about the need to clarify the modern methodological and conceptual apparatus necessary for the correct description of current practices of individual self-presentation, which are necessary and inevitable, but do not have the functions and ontology of identity.

Key words: culture, digital environment, neosyncretism, nearchaic, strategies of self-definition, representations, digital identity, network identity, identity capital, imitation, simulacrum, simulation, mask, mystification.

Irina V. MALYGINA

| Strategies of Human Self-Determination in Digital Space Contemporary Culture |**References**

- Pelipenko, A.A. (2016). Manifest neomoderna [The neo-modern manifesto]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. XVIII. 3–4 (91–92). 40–49. (In Russian).
- Maslou, A. (1999). Teoriia chelovecheskoj motivacii [Theory of human motivation]. *Motivacija i lichnost'* [Motivation and personality]. 77–105, Evraziya. (In Russian).
- Fromm, E. (1998). Puti iz bolnogo obschestva [Paths out of a sick socie]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of the human being in Western philosophy]. 443–482. Progress. (In Russian).
- Levi-Bryul', L. (1994). Sverh"estesstvennoe v pervobytnom myshlenii [The supernatural in primitive thinking]. Pedagogika-Press. (In Russian).
- Pelipenko, A.A. (2017). Internet kak fenomen evoljucii kul'tury. Ot logocentrizma – k neosinkretizmu] [The Internet as a Phenomenon of Cultural Evolution. From logocentrism to neosyncretism]. *Bibliotechnoe delo* [Librarianship]. 10. 14–18. (In Russian).
- Fuko, M. (1996). Poriadok diskursa. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksualnosti. Raboty raznyh let [Order of discourse. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from different years]. 47–96. Kastal. (In Russian).
- Bodrijar, Zh. (2015). Simuliakry i simuliacii [Simulacra and simulations]. POSTUM. (In Russian).
- Burdye, P. (1993). Sociologija politiki [Sociology of politics]. Socio-Logos. (In Russian).
- Radaev, V.V. (2002). Ponjatie kapitala, formy kapitalov I ih konvertacii [The concept of capital, forms of capital and its conversion]. *Ekonomicheskaia sociologija* [Economic sociology]. 3 (4). 20–32. (In Russian).
- Kastel's, M. (2002). Informacionnaja epoha: ekonomika, obschestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Universitet HSE (In Russian).
- Issers, O.S. (2020). Grani "novoj iskrennosti" v sovremennoj politicheskoj kommunikacii [Facets of the "new sincerity" in contemporary political communication]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 19(6). 216–227. (In Russian).
- Fetkulov, L. (2023). Sam sebe imperator: chto takoe virtual'nyr gosudarstva I mozžno li prinitat' ih vser'joz [The Emperor himself: what virtual states are and whether they can be taken seriously], URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/25639-sam-sebe-imperator-chto-takoe-virtualnye-gosudarstva-i-mozhno-li-prinitat-ih-vserez/> (accessed: 25.05.2024). (In Russian).
- Nova Roma. URL: http://www.novaroma.org/nr/Main_Page (accessed: 25.05.2024). (In Russian).
- Hantington, S. (2004). Kto my?: Vyzovy amerikanskoj nacionalnoj identichnosti [Who Are We? Challenges to American National Identity]. «Izdatel'stvo AST», «Tranzitkniga». (In Russian).

